

В послесловии к докладу «Что такое метафизика?» (1949) Хайдеггер сближает философию, понимаемую им как мысль, послушную голосу бытия, с поэзией, или «поэтическим именованием», в том, что они «наиболее чистым образом тождественны в заботливости слова», т.е. в своей заботе об употреблении языка.

Хайдеггер там же ставит весьма любопытную проблему, говоря: «Людям известно, конечно, многое об отношении философии и поэзии. Мы, однако, ничего не знаем о диалоге поэта и мыслителя, которые “на ближних вершинах живут, разделенные бездной”». Возможно, кое-что прояснить в этом хайдеггеровско-гельдерлинском вопросе – цитата из Гельдерлина у Хайдеггера не просто украшение, но шаг навстречу проблеме – может в данном случае анти-тэтический диалог поэта и мыслителя, который предлагает Жак Деррида в своем тексте «Signéponge». Диалог Деррида с поэзией Френсиса Понжа можно рассматривать в двойном измерении в соответствии с двойным смыслом названия работы: «И подписано: Понж», но также «Стертый знак» (поскольку речь во многом идет о том месте, которое остается в бытии после исчезновения знаков-посредников). Этот диалог, уже удвоенный, имеет свое, если можно так выразиться, двойное дно или предисторию своего создания. Дело в том, что в текст Деррида вошли части из двух его предыдущих работ: речи на Коллоквиуме, посвященном Френсису Понжу в июле 1975 г. в Серизи-ла-заль и семинара «Вещь», первого из трехлетнего цикла семинаров в Йейльском университете (на темы Heidegger/Ponge, Heidegger/Blanchot, Heidegger/Freud). Имя Хайдеггера, настоятельно здесь упоминаемое, вновь возвращает нас к теме, прозвучавшей в самом начале, теме соотношения философии и поэзии. В мышлении Хайдеггера поэтическое произведение выступает как вещь, т.е. как нечто одновременно целостное и хрупкое, чья целостность органично вырастает из сопричастия бытию. Может ли сохраниться эта целостность, когда о вещи, тем более вещи поэзии берется рассуждать философия? И могут ли вообще философия и поэзия найти такую вещь, о которой они говорили бы с равной заинтересованностью? Деррида полагает, что первой точкой соприкосновения между бытием философской и бытием поэтической вещи мог бы стать *мимесис*, который, касаясь границ самой вещи, вновь и вновь восстанавливает границы вопрошания, как философского, так и поэтического.

Деррида предлагает свой миметико-онтологический анализ поэзии Понжа, необходимым условием которого является предоставление слова «самой вещи» – Понжу, который, впрочем, так же говорит о «самых вещах». Внимание Деррида останавливает тот фрагмент из «Записок соснового леса», в котором Понж упоминает о своей мечте услышать непосредственную речь самого леса, «для которого, возможно, будет иметь значение, что его заметил Френсис Понж». Френсис Понж наблюдает за лесом, лес наблюдает за ним. Деррида отмечает, что в этом случае наблюдаемый является наблюдателем, составляющим свои заметки, что наводит на мысль о наблюдательном путешественнике, старающемся не упустить из виду ни одну вещь. Но самое замечательное здесь то, что Понж ставит под фрагментом свою подпись, которая

оказывается включенной в пространство поэтической вещи. Деррида старается скурпулезно соблюдать свое обещание предоставить слово самому Понжу. Но Понж называет свое имя. Он сам обозначает себя. Деррида, дублируя вопрос самого Понжа, задается вопросом: что может значить подпись, поставленная автором внутри поэтического текста. Отмечая, что Френсис Понж отмечает себя, философ создает эффект сдвоенного голоса, который спрашивает, однако, только об одном: каково значение собственной подписи. Налицо некий миметический акт, который позволяет сохранить в неприкосновенности ту вещь, о которой в данном случае идет речь. Говоря о вещи, «сохранить в неприкосновенности» вполне эквивалентно «дать слово самой вещи». И так как такой вещью здесь является имя, Деррида объявляет, что предметом его исследования является сам Френсис Понж, и именно Френсис Понж и будет той вещью, о которой поведут свой диалог философ (Жак Деррида) и поэт (Френсис Понж). Возможно, считает Деррида, такой ход позволит приблизиться к самой вещи или даже... к ее закону. Но это должен быть отнюдь не закон, управляющий порядком вещей, о котором предпочитает говорить наука, но... закон, продиктованный самой вещью. То, о чем говорил Понж, мог бы сказать сосновый лес устами самого Понжа. Ситуация кажется странной. Молчащий лес и говорящий наблюдатель, который, однако, считает себя вправе говорить лишь от своего имени (Деррида уточняет: о своем имени). И тем не менее, речь идет о вещи и о ее законе, который, может быть, находится в состоянии молчаливой войны с тем законом, который иной наблюдатель приписывает самим вещам, ставя под ним подпись самих вещей и говоря от их имени.

Молчание леса таит в себе вызов иного закона, закона самой вещи, вызов, который принят, но кем: Понжем или Деррида? Поэзией или Философией? Или, может быть, ими вместе? Этот вызов исходит из самого бытия вещи, и он обращен *к языку*, в котором это бытие может быть сохранено в неприкосновенности. Вызов соснового леса принимает язык поэзии Понжа и язык философии Деррида.

Френсис Понж в «Способах счастливой жизни» отмечает, что, несмотря на призыв вещей, только сознание может дать им голос. «И возможно, Закон вещей проявляется лишь в случае надлежащего подхода к ним со стороны разума, когда вещи не повреждаются, когда они описываются, так сказать, с их собственной точки зрения. Но это является задачей, требующей невысказанного совершенства. Ибо вещи не говорят сами с собой без посредничества речи человека, и от этого нам никуда не уйти».

Деррида отмечает, что вещь, описанная с точки зрения самой вещи, со своей точки зрения, должна быть другой, другой вещью, требующей от человека невозможного: обмена вне всякого соприкосновения, вне слов. И в этом случае *закон вещи* говорит только об одном, о своей непереводаемости, о своей *уникальной единичности*

. И такая вещь вовсе не является объектом в привычном нам смысле слова. От этой вещи исходит требование, обращенное к человеку: «Ты должен сказать за меня то, что хочу сказать я сама». Но как может вещь говорить об этом? Кажется, Френсис Понж знает ответ. И ответ заключен в его подписи. Именно она очерчивает зону риска. Деррида рискует назвать это событием, событием бытия самой вещи. Деррида, как и Понж, рискует событием, и, как и Понж, рискует попыткой вторжения в событие вещи. И

единственное, что позволяет сохранить в неприкосновенности вещь — та подпись: «Френсис Понж», которая, для Деррида, также становится вещью. Подпись также уникальна, как и вещь. И Деррида ставит проблему в духе Понжа (тот недоумевал, как можно говорить о самой вещи, не спросив ее): как можно говорить о тексте, когда каждый текст уникален. И что значит попытаться вслушаться в то, что сам текст может сказать о себе? Давайте вслушаемся в текст Понжа: «Сосновый лес, восстань из молчания смерти, из безответности и бессознательности! Поднимись, прорасти в речи, сосновый лес. Открой свою тайну. Ведь не из случайной прихоти, не просто так, отметил тебя Френсис Понж».